

*Шишкин В.И.,
заведующий сектором Института истории СО РАН*

Адмирал А.В. Колчак как Верховный правитель
(18 ноября 1918 – 4 января 1920 г.)

В начале 1990-х годов после семи десятилетий почти полного забвения Александр Васильевич Колчак обрел в постсоветской российской историографии статус суперактуального персонажа отечественной истории. За прошедшие с тех пор четверть века вышли в свет десятки документальных и мемуарных публикаций, исследовательских статей и научных монографий, посвященных различным делам, периодам и даже отдельным эпизодам его жизни и деятельности¹.

Совершенно естественно, что большой интерес историки проявили к таким ключевым этапам жизни Колчака, как участие в Полярной экспедиции барона Э. Толля и в изучении Арктики, в русско-японской войне, в борьбе за возрождение русского флота и в Первой мировой войне, деятельности во время революции и гражданской войны. Вполне закономерно, что наибольшее внимание историки уделили анализу и освещению деятельности Колчака на посту Верховного правителя. .

К сожалению, в большинстве постсоветских публикаций деятельность Колчака на посту Верховного правителя освещается бездоказательно и комплиментарно. Чтобы объективно оценить деятельность Колчака в качестве Верховного правителя, необходимо последовательно решить ряд таких задач: выяснить компетенцию Верховного правителя и компетентность Колчака; наличие и состав «команды», опираясь на которую он работал; круг общения, разного рода советников и консультантов; программу деятельности, организацию и режим работы; лично адмиралом контролировавшиеся сферы жизнедеятельности и проблемы; авторитет,

популярность и влияние в разных слоях населения. Конечно, сделать это в коротком сообщении можно только очень конспективно.

Для начала напомним некоторые исходные факты. Адмирал прибыл из Владивостока в Омск 13 октября 1918 г. По предложению Директории Временного Всероссийского правительства 4 ноября он был назначен на пост военного и морского министра этого правительства. За две недели своего пребывания на министерском посту Колчак практически ничего не сделал для укрепления вооруженных сил Временного Всероссийского правительства. Публично заявляя, что армия должна стоять вне политики, Колчак лично активно участвовал в политической борьбе и не пресекал попыток «правых» военных вмешиваться в политическую жизнь. Адмирал достаточно грамотно и успешно позиционировал себя как сторонника твердой государственной власти и одновременно активно интриговал как против Директории, так и против потенциальных конкурентов в военные диктаторы.

Главным его делом стало участие в заговоре против Директории. Заключительной фазой этого заговора явилось утреннее заседание Совета министров Всероссийского правительства 18 ноября 1918 г. На нем Колчак был избран и провозглашен Верховным правителем. В ходе заговора адмирал очень четко и грамотно выполнил предложенную ему (или взятую им на себя) роль, оставаясь вне подозрений как у своих противников, так и у большинства союзников. Приняв участие в заговоре против Временного Всероссийского правительства, в котором он состоял министром, Колчак тем самым совершил тягчайшее государственное преступление, за которое по действовавшему тогда законодательству полагалась смертная казнь. Однако риск обернулся двойной удачей: Колчак не только получил права военного диктатора, но и по представлению председателя Совета министров П.В. Вологодского был произведен в полные адмиралы, не выиграв ни одного морского сражения. 28 ноября 1918 г. в беседе с представителями печати Колчак заявил: «Я не искал власти и не стремился к ней ...»². Это

утверждение абсолютно не соответствовало действительности и было рассчитано на людей неосведомленных.

Компетенция Верховного правителя и Совета министров, а также взаимоотношения между ними регулировались «Положением о временном устройстве государственной власти в России». Согласно «Положению», осуществление верховной государственной власти временно передавалось Верховному правителю, которому подчинялись все вооруженные силы. Ему же предоставлялось право принятия чрезвычайных мер для обеспечения, комплектования и снабжения вооруженных сил, а также для водворения гражданского порядка и законности. Власть управления во всем ее объеме также относилась к компетенции Верховного правителя. Вопрос о взаимоотношениях Верховного правителя и Совета министров был решен предельно просто: все проекты законов и указов рассматривались в Совете министров и после их одобрения поступали на утверждение Верховного правителя; в то же время все акты Верховного правителя обязан был скреплять председатель Совета министров или главный начальник подлежащего ведомства³.

Результаты функционирования любой диктатуры, тем более военной, во многом определяются личностью диктатора: его интеллектом, компетентностью, опытом, волей, умением разбираться в людях и формировать команду. Среди российских военных периода революции и гражданской войны, пожалуй, единственным человеком, обладавшим всеми этими качествами в достатке, был генерал М.В. Алексеев. Что касается Колчака, то даже из трех претендентов на роль Верховного правителя, которые 18 ноября 1918 г. назывались на заседании Совета министров (генерал-лейтенант В.Г. Болдырев, Колчак и генерал-лейтенант Д.Л. Хорват), адмирал был, пожалуй, самой слабой фигурой.

У занявшего пост Верховного правителя Колчака отсутствовала своя «команда», на которую он мог бы опереться в работе. Из-за этого адмирал был вынужден воспользоваться полученным им в наследство от Временного

Всероссийского правительства кадровым персоналом Совета министров, сформированным для борьбы с большевиками по принципу широкой партийно-политической коалиции. Его состав не блистал именами известных государственных деятелей. Глубокими знаниями и опытом работы в своей области деятельности обладали всего несколько человек: заместитель председателя Совета министров В.А. Виноградов, министр финансов И.А. Михайлов, министр путей сообщения Л.А. Устругов, товарищ министра народного образования профессор П.И. Преображенский. Все остальные, включая премьер-министра П.В. Вологодского, были в основном провинциальными общественными деятелями, не способными мыслить глубоко и масштабно. По своему интеллектуальному уровню и кругозору они безусловно уступали наркомам советского правительства.

Однако, придя к власти, Колчак не проявил должной деликатности и осторожности к правительственному исполнительному аппарату, созданному на основе компромиссов. Напротив, Верховный правитель действовал жестко и тенденциозно. В результате уже к концу 1918 г. по политическим или личным мотивам оставили свои должности В.А. Виноградов, министр снабжения И.И. Серебренников, управляющий министерством иностранных дел Ю.М. Ключников, управляющий делами правительства А.Н. Кругликов, товарищи министров И.А. Молодых, Н.П. Огановский, Е.Ф. Роговский, А.А. Скороходов, С.М. Третьяк, временно исполнявший должность начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант Н.С. Розанов. Эти отставки вызвали в обществе негативную реакцию. Премьер-министр П.В. Вологодский был вынужден дать официальное объяснение некоторым увольнениям, заявив, что уход названных им лиц не означает «какого-либо изменения общей политики Совета министров»⁴.

В то же время Колчак не преминул сразу же тайно или явно отблагодарить тех деятелей, которые обеспечили ему восхождение на вершину властной пирамиды. 19 ноября секретным приказом Верховного правителя и Верховного главнокомандующего «за выдающиеся боевые

отличия» были произведены в очередные воинские звания полковник В.И. Волков, казацки старшины А.В. Катанаев и И.Н. Красильников, возглавлявшие «переворотную» команду⁵. Не были обойдены вниманием две «ключевые» политические фигуры заговора: лидер сибирских кадетов В.Н. Пепеляев и И.А. Михайлов. 29 ноября Совет министров избрал И.А. Михайлова вторым заместителем председателя, а через день В.Н. Пепеляев получил назначение директором департамента милиции МВД⁶.

Столь же быстро получили важные посты те немногие военнослужащие, которых Колчак знал лично и которым доверял: генерал-майор Н.А. Степанов, с которым он познакомился летом 1918 г. в Японии, капитан 1-го ранга М.И. Смирнов, который во время командования Колчака Черноморским флотом являлся флаг-капитаном по оперативной части и начальником штаба командующего, и сослуживец по Балтике, исполняющий обязанности главного военно-морского прокурора полковник А.А. Мартьянов.

По представлению Колчака еще 4 ноября 1918 г. Н.А. Степанов был назначен помощником военного и морского министра по организационно-инспекторской части, а затем указом Верховного правителя от 3 января 1919 г. – военным министром с правами командующего армией вне театра военных действий⁷. 20 ноября 1918 г. по требованию Колчака Совет министров учредил морское министерство, управляющим которого назначил М.И. Смирнова, произведя последнего в контр-адмиралы⁸. 3 декабря 1918 г. Колчак назначил А.А. Мартьянова временно исполняющим обязанности директора своей канцелярии, в тот же день произведя его в генерал-майоры флота⁹.

Самым неожиданным кадровым решением Колчака, имевшим долгосрочные негативные последствия, стало назначение 21 ноября 1918 г. на должность временно исполняющего должность начальника штаба Верховного главнокомандующего подполковника Д.А. Лебедева, выдававшего себя за представителя Добровольческой армии А.И.

Деникина¹⁰. Умело интригуя, Д.А. Лебедев укрепился на этой должности, «зачистил» штаб от талантливых офицеров-генштабистов, получил звание генерал-майора. В течение нескольких месяцев он конфликтовал с военным министром Н.А. Степановым. 23 мая 1919 г. Д.А. Лебедев добился его увольнения и своего назначения военным министром, после чего сосредоточил в своих руках должности начальника штаба Верховного главнокомандующего и военного министра¹¹.

Такая кадровая политика способствовала образованию в Совете министров группировок, вызывала конфликты и даже кризисы, стала причиной большой текучести руководящего персонала. Достаточно сказать, что менее чем за год правления Колчака формально сменилось четыре военных министра (правильнее сказать – пять). Она породила нестабильность в работе Совета министров, создавала у подчиненных впечатление о политике Колчака как неустойчивой и ненадежной, дискредитировала самого адмирала.

Важной характеристикой компетентности Колчака как Верховного правителя являлось то, как он выстраивал свои отношения и взаимодействовал с Советом министром. Как ни парадоксально, но в качестве главы правительства Колчак присутствовал на заседании своего кабинета лишь однажды, 19 ноября, во время которого он ограничился двумя короткими сообщениями¹². В дальнейшем лишь изредка адмирал давал Совету министров какие-либо мелкие поручения. Никаких серьезных инициатив для их обсуждения на заседаниях Совета министров Верховный правитель практически не выдвигал. Единственным исключением можно считать только поручение П.В. Вологодскому от 16 сентября 1919 г. разработать Совету министров проект Положения о Государственном земском совещании¹³.

Возможно, такое отношение Колчака к Совету министров было продиктовано его недовольством составом министров и управляющих

ведомствами. Не исключено, что оно являлось также следствием того, что в первые же дни пребывания Колчака в должности Верховного правителя были учреждены два других органа власти, которые в значительной мере подменили собой Совет министров и потребовали адмирала напрямую взаимодействовать с ним. Это были Совет Верховного правителя и чрезвычайное Государственное экономическое совещание.

Совет Верховного правителя был образован 21 ноября как совещательный орган, на который возлагалась обязанность достижения «единства воли и действий между Верховным правителем и Советом министров и для рассмотрения дел, подлежащих непосредственному ведению Верховного правителя». В Совет, который возглавлял сам Верховный правитель, входили только председатель Совета министров или его заместитель и три министра: внутренних дел, иностранных дел и финансов¹⁴.

Сохранившиеся в архивных делах фрагменты делопроизводственной документации позволяют утверждать, что сначала заседания Совета происходили, как правило, по вечерам три раза в неделю на квартире Колчака. Иногда на них приглашались другие министры или главы ведомств, военачальники. Документы дают возможность составить частичное представление о том, когда и какие вопросы обсуждались на заседаниях Совета Верховного правителя. Но никаких данных о том, какие Совет принимал решения, не сохранилось. Косвенные данные позволяют утверждать, что Совет Верховного правителя, а не Главный штаб (Ставка) и уже тем более не Совет министров являлись главным органом концентрации власти. Именно на заседаниях Совета Верховного правителя в конце 1918 г. и большую часть 1919 г. обсуждались и вырабатывались основные военно-политические, дипломатические и финансово-экономические решения, которые затем воплощались в указы, постановления, воззвания, декларации, обращения Верховного правителя и Совета министров.

Чрезвычайное Государственное экономическое совещание было учреждено по указанию Верховного правителя постановлением Совета министров от 22 ноября 1918 г. На него возлагалась разработка экстренных мероприятий в области финансов, снабжения армии и восстановления торгово-промышленного аппарата. Совещание состояло из военного министра, министров финансов, торговли и промышленности, земледелия, продовольствия, снабжения, путей сообщения, государственного контролера, представителей Всероссийского съезда торговли и промышленности, Совета кооперативных съездов, частных и кооперативных банков¹⁵.

Верховный правитель присутствовал на первых девяти заседаниях Совещания, проходивших почти каждый вечер с 23 ноября по 4 декабря. На них рассматривались вопросы о положении и снабжении вооруженных сил, о финансовой и продовольственной ситуации, о состоянии железнодорожного транспорта, внутренней торговле, таможенной политике и др. Судя по репликам адмирала, зафиксированным в протоколах Совещания, он был недоволен результатами его работы. Колчак наивно надеялся получить от Совещания такие рекомендации, претворение которых министерствами и ведомствами в жизнь позволит быстро и радикально переломить неблагоприятную ситуацию во всех сферах жизни на подконтрольной ему территории¹⁶. Поскольку надежды Колчака не оправдывались, он довольно быстро утратил интерес к Совещанию. Показательно, что председатель Совещания даже не входил в число высших чиновников, имевших по регламенту выделенное время для доклада Верховному правителю, хотя Совещание продолжало свою деятельность почти до конца 1919 г.

Первые два месяца работа Верховного правителя не была упорядочена и протекала довольно хаотично. Ситуацию усугубили простуда, перешедшая в начале декабря в заболевание гриппом, вынудившие Колчака всю последнюю декаду декабря провести в постели. На несколько дней его главным занятием стало подписание подготовленных Советом министров указов и приказов, чтение приветственных посланий и визирование текстов

ответов на них. Но с 4 января Верховный правитель начал у себя на дому принимать членов правительства, дипломатов и военных, общественных деятелей.

16 января Колчак провел важное совещание, в котором участвовали генералы Д.А. Лебедев, Н.А. Степанов, М.И. Смирнов, М.К. Дитерихс, глава британской военной миссии в России генерал А. Нокс, начальник французской военной миссии, главнокомандующий чехословацкими войсками в России П. Жанен и товарищ министра иностранных дел И.И. Сукин. На этом совещании был решен болезненный для российской стороны вопрос о том, кто будет осуществлять верховное командование антибольшевистскими вооруженными силами на востоке страны. По итогам дискуссии была достигнута договоренность о том, Верховным главнокомандующим русскими войсками останется Колчак, должность представителя Высшего межсоюзного командования и главнокомандующего союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке сохранил за П. Жанен, а должность начальника тыла и снабжения возложена на А. Нокса¹⁷.

К середине января 1919 г. относится первая попытка управления делами упорядочить рабочее время Верховного правителя, выделив большую его часть на заслушивание докладов министров и управляющих ведомствами. В соответствии с приказом, утвержденным 20 января 1919 г., ежедневно с 12 часов Колчак принимал получасовой доклад управления делами Верховного правителя и Совета министров, затем – тоже получасовой доклад информационной части штаба Верховного главнокомандующего. На протяжении понедельника – субботы ежедневно с 13 до 15 часов Колчак поочередно встречался с тремя указанными в графике министрами, время аудиенции которых было четко расписано и, как правило, составляло всего полчаса. Приоритет по количеству встреч и их продолжительности принадлежал четырем министрам: военному, внутренних дел, иностранных дел и путей сообщения. Председатель Совета министров имел право быть принятым Верховным правителем вне очереди в любое время, в том числе во

время доклада любого министра. В среду один час выделялся на встречу Верховного правителя с делегациями, а в воскресенье полчаса – на прием представляющихся. Согласно расписанию с 15 до 17 часов семь дней в неделю Колчак находился в штабе Верховного главнокомандующего¹⁸.

8 апреля это расписание подверглось корректировке. Как и раньше, рабочий день Колчака начинался в 12 часов, но в понедельник, среду и в пятницу с заслушивания часового доклада управляющего делами Верховного правителя и Совета министров, во вторник, четверг и в субботу – с получасовых сообщений директора канцелярии Верховного правителя и начальника особой канцелярии при штабе Верховного главнокомандующего. Пять дней в неделю время с 13 до 15 часов отводилось на прием министров и один день, в среду, – на прием делегаций и представляющихся. Дважды в неделю Колчак принимал доклады двух министров: военного и внутренних дел. В среду, четверг и пятницу адмирал проводил по два часа в штабе Верховного главнокомандующего. С 6 до 7 часов вечера в доме Колчака проходили заседания Совета Верховного правителя. Воскресенье было выходным днем¹⁹.

В действительности официальные приемы должностных и частных лиц, а также делегаций Верховный правитель осуществлял не только по средам. Информация об этих аудиенциях довольно часто публиковалась в специальной рубрике центральных газет «Правительственный вестник» и «Русская армия», начиная с 27 ноября 1918 г. до 7 ноября 1919 г. Дополнительные сведения о том, кого, когда и как долго принимал Колчак, имеются в специальных журналах регистрации лиц, бывших на приеме у Верховного правителя, которые велись с 4 января по 6 ноября 1919 г. почти ежедневно, в том числе во время командировок²⁰.

Если ориентироваться только на информацию об официальных приемах, которые вел Верховный правитель, опубликованную в названных центральных газетах, то можно утверждать, что примерно до лета 1919 г.

среди его посетителей преобладали дипломатические и военные представители иностранных держав. Объяснить такой состав посетителей можно тем, что Колчак стремился добиться дипломатического признания со стороны союзных держав. Однако с лета 1919 г., когда ситуации на фронте и в тылу начала резко ухудшаться, а надежда на признание со стороны союзников «растаяла», наметилась тенденция к увеличению среди посетителей российских граждан, особенно военных. Чтобы ограничить количество желавших попасть на прием к Колчаку и упорядочить их состав, директор канцелярия Верховного правителя выработал правила приема должностных и частных лиц и делегаций, которые 20 октября 1919 г. одобрил Колчак²¹.

Став Верховным правителем, Колчак одновременно взял на себя полномочия Верховного главнокомандующего. Видимо, верный морской традиции, в соответствии с которой главный начальник должен был лично во главе своих судов выходить в открытое море, чтобы обнаружить противника и дать ему бой, адмирал считал нужным время от времени делать нечто похожее. Только выход в море ему заменили так называемые «поездки на фронт».

Первая такая поездка состоялась 8–26 февраля 1919 г. В ходе ее Колчак намеревался лично на месте ознакомиться с нуждами и состоянием армии, выяснить, как осуществляется управление в прифронтовых областях. Маршрут пролегал через Петропавловск, Курган, Челябинск, Троицк, Екатеринбург, Пермь, Екатеринбург, Тюмень и Ялуторовск. Поездка проходила в благоприятной обстановке, на фоне недавно одержанных побед и взятия у красных Перми. В Челябинске и Екатеринбурге состоялись совещания Верховного правителя с участием генералов Р. Гайды, Я. Сыровы, В.В. Голицын, А.И. Дутова, М.В. Ханжина. Дважды Колчак выезжал на бронепоезде к линии фронта для общения с младшими офицерами и солдатами и вручения наград отличившимся. Но основная часть времени прошла во встречах с местной общественностью: представителями

городских дум, губернского земства. торгово-промышленниками, кооператорами, журналистами и т. п. В честь Верховного правителя давали обеды, устраивали ужины, банкеты, на которых он выступал с политическими речами, объяснял цель и задачи Российского правительства²².

По итогам этой поездки чиновник особых поручений IV класса Н.А. Самойлов, сопровождавший Колчака, составил для него доклад, в котором изложил свои впечатления от увиденного. Два главных вывода Н.А. Самойлова гласили: «1) Непосредственное общение Верховного правителя с представителями местной общественности везде и всюду разрушало легенду об автократическом характере власти, каковая легенда в левых кругах держалась до сей поры и внушалась неустойчивым в политическом отношении слоям населения. 2) Поездка Верховного правителя несомненно укрепляла престиж власти и правительства, им возглавляемого, не мерами принуждения, а нахождением общего языка в беседах Верховного правителя с представителями общественности». Прочитавший этот доклад Колчак оставил 2 марта 1919 г. на нем такую резолюцию: «Совершенно согласен с высказанными положениями»²³.

В дальнейшем Верховный правитель еще несколько раз выезжал на фронт. Но теперь они были в основном вынужденными и вызывались трудностями на фронте, повлиять на состояние которого Колчак уже не мог. Каждая новая его поездка являлась свидетельством дальнейшего ухудшения дела и приближения военного поражения. Своим нахождением в непосредственной близости к армии адмирал как бы демонстрировал всем, что он намерен бороться до конца. Но даже в ближайшем окружении Верховного правителя людей, которые согласны были разделить с ним его судьбу, с каждым месяцем, неделей, днем становилось все меньше. В конечном счете с адмиралом остался только один человек – любящая его женщина.

Еще хуже, чем экономике и в людях, Колчак разбирался в политике. Показателен хотя бы тот факт, что летом 1917 г. адмирал покинул Россию, тогда как профессиональные политики, особенно революционеры всех мастей, преодолевая государственные границы и другие препятствия, рвались на родину для того, чтобы лично участвовать в разворачивавшихся событиях. После прихода большевиков к власти Колчак несколько месяцев не принимал участие в антисоветской борьбе.

Всякая диктатура, а тем более военная, прежде всего сильна ясностью и определенностью своих задач, целей, намерений. Между тем «ахиллесовой пятой» почти всех контрреволюционных режимов периода гражданской войны в России была позиция непредрешенчества в важнейших социальных и политических вопросах. Позиция Колчака в этом отношении не составляла исключения. В своем первом выступлении в качестве Верховного правителя он ясно и однозначно заявил только о том, что «в политике своей не пойдет ни по пути партийности, ни по пути реакции, а главной задачей своей государственной работы, в тесном единении с Советом министров, поставит организацию и снабжение армии, поддержание в стране порядка и законности и охрану демократического строя». Решение всех остальных жизненно важных вопросов Верховный правитель откладывал до полной победы над большевиками и связывал с созывом Национального или Учредительного собрания России²⁴.

Сторонники непредрешенчества утверждали, что такая позиция создает наилучшие предпосылки для объединения разнородных контрреволюционных сил в борьбе с большевиками. Однако были серьезные основания сомневаться в искренности этих заявлений, поскольку они плохо согласовывались с политическими реалиями, с практическим отношением сторонников военной диктатуры к демократической общественности (земству, кооперации) и тем более к социалистическим элементам, особенно к эсерам.

Неопределенность позиции Колчака по вопросу о путях решения важнейших социально-политических вопросов, отсутствие развернутой, общедоступной и ясной положительной программы порождали дополнительные подозрения и конфликты в лагере контрреволюции, ослабляли общий фронт борьбы против большевиков.

В принципе позиция непредрешенчества свидетельствовала о том, что лидеры «Белого дела» плохо понимали специфику гражданской войны, в которой идеологический фактор имел неизмеримо большее значение, чем в национальных войнах, или не сформулировали новых конструктивных идей, способных привлечь на их сторону широкие слои российского населения. Как бы то ни было, но указанный недостаток был быстро обнаружен и исключительно умело использован большевиками. Последние восполнили данный пробел, создав усилиями своей пропаганды недостающую «программу» Колчака, в которой были и реставрация монархии, и восстановление помещичьей собственности на землю, и «единая и неделимая» Россия.

В принципе военная диктатура предполагает полное и беспрекословное подчинение нижестоящих военных и гражданских властей вышестоящим и всех их без исключения – единственному человеку, облеченному диктаторскими полномочиями. Однако, как ни парадоксально, именно правые военные круги, инициировавшие идею военной диктатуры на востоке России и приведшие Колчака к верховной власти, изначально стали питательной средой, разрушавшей организационный централизм, порождавшей сепаратизм и местничество, беззаконие. Классический пример – отказ командира Приамурского корпуса полковника Г.М. Семенова признать Колчака в качестве Верховного правителя и создавшего в Забайкалье «государство в государстве».

Нуждаются, однако, в непредвзятом анализе и в объяснении взаимоотношения между вождем «Белого дела» на Юге России генералом А.И. Деникиным и Верховным правителем. 12 января 1919 г. в

«Правительственном вестнике» появилось сообщение о том, что МИД Российского правительства получил от находившегося при А.И. Деникине бывшего министра иностранных дел России С.Д. Сазонова телеграмму, в которой говорилось: «Признаем Верховную власть, принятую Вашим превосходительством, в уверенности, что Вы солидарны с основными началами политической и военной программ Добровольческой армии». В изложении С.Д. Сазонова эти «начала» заключались в следующем: «Восстановление единой неделимой России, не предрешая будущей окончательной формы правления; борьба против революционной организации большевиков до полного уничтожения; военные действия сибирских армий согласуются с общими планами кампании главного командования Добровольческой армии».

Верховный правитель ответил А.И. Деникину, что «основные начала» «совершенно разделяются мной и правительством», а признание А.И. Деникиным верховной власти Колчака оценил как «великий шаг к национальному объединению, для достижения которого мы положим все наши силы». Но прошло еще четыре с половиной месяца прежде чем эти прекраснодушные слова были оформлены юридически, когда А.И. Деникин 30 мая 1919 г. издал приказ № 145 о подчинении Колчаку как Верховному правителю и Верховному главнокомандующему. Не подлежит сомнению, что неопределенность позиции А.И. Деникина все это время не способствовала укреплению авторитета и власти Колчака.

Кроме того, в офицерской среде широкое распространение получили такие негативные явления, как пьянство и нежелание идти на фронт, стремление отсидеться в штабах или в тылу. Все это являлось отражением слабости диктатуры Колчака, его неспособности установить должную субординацию, навести порядок и дисциплину даже в военных рядах.

Отсюда становится понятным и то многообразие военно-политических «порядков», которые иногда существовали на подведомственной Колчаку территории в соседних губерниях, областях, уездах и даже волостях. Если в

одних из них, вопреки законам и указам Верховного правителя, военные власти, карательные отряды, контрразведка и милиция пьянствовали, производили аресты, бесчинствовали, грабили, насиловали и без суда убивали, то в других, опять-таки вопреки тем же законам и указам, гражданские власти преступно бездействовали, не защищая мирное гражданское население от произвола.

Как известно, В.И. Ленин – в отличие от Колчака, почти не интересовавшегося тем, что происходило в РСФСР, – постоянно следил за тем, что творилось в «Колчакии», сравнивал порядки, существовавшие по обе стороны Восточного фронта. Однако самую яркую и уничтожающую характеристику колчаковского режима В.И. Ленин дал, сопоставив его порядки не с советскими, а с царившими до Февральской революции. Как хорошо известно, В.И. Ленин отозвался о колчаковщине как о диктатуре, «хуже всякой царской».

Нельзя не согласиться с большевистским вождем. Действительно, колчаковская диктатура была хуже. Но хуже в другом смысле: в том отношении, что намного слабее царской. Именно слабостью колчаковской диктатуры объясняется сочетание крайностей в политике местных органов власти контрреволюции: полного бессилия и крайнего насилия. В этом отношении так называемая диктатура пролетариата была намного «лучше». Она последовательно демонстрировала применение революционного насилия везде и всегда, где и когда в этом существовала необходимость.

Различного рода источники позволяют говорить о сложном, неровном характере Колчака. В поведении Верховного правителя мощные волевые импульсы чередовались со спадами активности и даже апатии, неоправданного доверия к одним людям и столь же необоснованного недоверия – к другим. Отсюда – кадровая чехарда в окружении адмирала, импровизации и непоследовательность в политике, уклонение от решения государственных дел, совершенно бессмысленные поездки на фронт и многое другое. Большую часть времени своего пребывания на посту

Верховного правителя и Верховного главнокомандующего адмирал Колчак прожил в режиме, плохо отвечавшем условиям гражданской войны и взятым на себя обязательствам.

---

¹ Назовем авторов только наиболее крупных научных публикаций, написанных профессиональными историками: К.А. Богданов (СПб., 1993), И.Ф. Плотников (Ростов-на-Дону, 1998; М., 2002), В.Г. Краснов (М., 2000, кн. 1–2), В.В. Синюков (М., 2000; М., 2004; М., 2009), П.Н. Зырянов (М., 2006), Рунов В.А., Португальский Р.М. (М., 2007; М., 2014), В.Г. Хандорин (Томск, 2007), С.В. Дроков (М., 2009), А.С. Кручинин (М., 2010), А.В. Смолин (СПб., 2012) и др.

² Правительственный вестник (Омск), 1918, 30 ноября;

³ Правительственный вестник, 1918, 19 и 21 ноября; Временное Всероссийское правительство (23 сентября – 18 ноября 1918 г.). Сборник документов и материалов. Новосибирск, 2010. – С. 338–341.

⁴ Правительственный вестник, 1919, 4 января.

⁵ РГВА. Ф-39499. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

⁶ Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 – 3 января 1920 г.). Сборник документов. Новосибирск, 2016. Т. 1. – С. 49, 51.

⁷ Правительственный вестник, 1919, 5 января.

⁸ Правительственный вестник, 1918, 8 декабря; Совет министров Российского правительства. Т. 1. – С. 27.

⁹ ГА РФ. Ф.р-176. Оп. 4. Д. 148. Л. 1; Правительственный вестник. 1918. 12 декабря.

¹⁰ ГА РФ. Ф.р-176. Оп. 2. Д. 21. Л. 38.

¹¹ ГА РФ. Ф.р-176. Оп. 3. Д. 71. Л. 1; Правительственный вестник, 1919, 31 мая.

¹² Совет министров Российского правительства. Т. 1. – С. 23–24.

¹³ ГА РФ. Ф.р-176. Оп. 4. Д. 7. Л. 17; Правительственный вестник, 1919, 17 сентября; Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 – 3 января 1920 г.). Сборник документов. Новосибирск, 2016. Т. 2. – С. 439.

¹⁴ Совет министров Российского правительства. Т. 1. – С. 31.

¹⁵ Правительственный вестник, 1918, 27 ноября.

¹⁶ ГА РФ. Ф.р-190. Оп. 1. Дд. 1–8.

¹⁷ ГА РФ. Ф.р-176. Оп. 4. Д. 147. Л. 13.

---

¹⁸ ГА РФ. Ф.р-176. Оп. 2. Д. 9. Л. 49.

¹⁹ Там же. Л. 293.

²⁰ ГА РФ. Ф.р-176. Оп. 4. Д. 147. Лл. 1–312; Д. 172. Лл. 1–37.

²¹ ГА РФ. Ф.р-176. Оп. 4. Д. 40. Лл. 7–8.

²² ГА РФ. Ф.р-176. Оп. 4. Д.160. Лл. 64–70.

²³ Там же. С. 42.

²⁴ Временное Всероссийское правительство. С. 341; Правительственный вестник, 1918, 20 ноября.